

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА РЕФОРМЕ ПРИХОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ 1961 ГОДА (по материалам Ярославской и Костромской областей)

Реформа приходского управления, принятая на архиерейском соборе, негативно сказалась на всем строе приходской жизни. Принятая под нажимом властей, она задумывалась как дестабилизирующий и разрушительный фактор церковной жизни и была направлена на ликвидацию Церкви. Сопротивление реформе носило всенародный характер. Благодаря ему реформа прихода, при которой настоятель (священник) лишился права участия не только в финансово-хозяйственной деятельности, но и права воспитания прихожан, права на деятельность вне церковного здания, на занятие благотворительностью, не «прижилась» на приходе, а при восстановлении церковно-государственных отношений была отменена. В статье на материалах Центральной России, в первую очередь Ярославской и Костромской областей, показано, что сопротивление духовенства и верующих во многом способствовало изменению церковно-государственных отношений. Партийная номенклатура была вынуждена признать провал в проводимой антицерковной политике, что способствовало восстановлению статус-кво в приходском управлении и восстановление настоятеля прихода в его правах. В 1988 году на Поместном Соборе РПЦ был принят новый Устав управления приходом, доработка и поправки к нему были приняты на Архиерейском соборе 1989 года. Они соответствовали духу и каноническому устройству Церкви.

Ключевые слова: Реформа, приход, иерархия, верующие, сопротивление, двадцатка, Церковь.

На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, проходившем 18–19 июля 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре, было принято решение о внесении изменений в IV раздел «Положения об управлении Русской Православной Церкви». В соответствии с изменением «Положения об управлении», руководство хозяйственно-финансовой жизнью прихода должен был осуществлять исполнительный орган приходской общины верующих – двадцатка, на настоятеля и других священников прихода возлагалось только духовное руководство прихожанами. Изменение положения о приходах оказало самое негативное влияние на церковную жизнь, в первую очередь, на структуру самого иерархического управления. Приходские организации, формально подчиняясь церковной власти, фактически стали подчиняться исполнительной местной власти, которая, в силу возложенных на нее государством полномочий и согласно новым инструкциям, осуществляла свой надзор и контроль над приходскими организациями. Реформой церковный народ, по замыслу партийных идеологов, на «законных» основаниях фактически был отделен от пастырей, что должно было способствовать разложению церковных структур и постепенной ликвидации церковной организации.

Реформа приходского управления была принята под жестким нажимом властей и была встроена в общий план по ликвидации Церкви как таковой. В октябре 1961 года, на XXII съезде партии, была принята программа построения коммунизма и взят курс на ликвидацию религии и Церкви в ближайшие 20 лет. Статистика говорит об ужасающей картине разрушения приходских организаций: только за один год – с 1961 по 1962 гг. – Русская Право-

славная Церковь потеряла полторы тысячи приходов. Постановлением Совмина от 16 января 1961 г. «Об усилении контроля за деятельностью Церкви» отменялись все законодательные акты военного и послевоенного времени. По мнению прот. В. Цыпина, при таких темпах потери приходов на полное разрушение церковной организации понадобилось бы пять лет [17, с. 329].

На территории Центральной России в 11 епархиях (включая г. Москву, в которой из 41 храма был снят с регистрации лишь один приход в 1962 г.) из зарегистрированных в 1961 г. 784 приходов к 1963 году осталось 663. На территории РСФСР к 1963 году осталось 2093 зарегистрированных прихода. Вместе с сокращением приходов, а также происходившими на этом фоне закрытием Киевской и Ставропольской семинарий, 12 монастырей, 7 епархий за шесть лет, с 1960 по 1966 гг., количество приходского духовенства, по различным причинам, сократилось на 1500 человек (с 9061 до 7347 священников и диаконов) [17, с. 344]. В Центральной России в 1960–1966 гг., например, со 104-х священников в Калининской епархии осталось 54, с 388-х в Московской епархии осталось 181, в Ивановской с 82 количество священников сократилось до 64 [2, с. 12, 73].

Сопротивление наступлению на Церковь и приходской реформе проявлялось на всех уровнях церковной иерархии и верующего народа. Оно принимало как активные, так и пассивные формы. Оговоримся, что сопротивление верующих носило спонтанный характер (действие – противодействие) и чаще всего было ответом на незаконные действия властей. Оно не затрагивало основной массы населения, и было выражением чувств верующего народа, не согласного с ущемлением его

прав. Такой же позиции придерживается историк А.А. Федотов, говоря, что в целом советское общество поддерживало государственную антицерковную политику, чему способствовала государственная пропаганда, вера определенной части людей в возможность построения коммунизма, и индифферентность основной части населения по отношению к религии [15, с. 114].

Святейший Патриарх Алексей I и председатель ОВЦС митрополит Николай (Ярушевич) выражали свое несогласие с возникшей ситуацией, пытались протестовать, отстаивать позиции Церкви, обращались к руководству страны с желанием донести свою озабоченность сложившейся ситуацией, в чем выражали свою активную позицию отстаивания интересов Церкви. Святейший Патриарх и Синод заняли твердую позицию в отношении к отступникам-рэнегатам, отлучили их от Церкви.

Свое понимание духовной сущности реформы, принятой под давлением властей, Патриарх определил как «испытание веры», и форму сопротивления для паствы и пасомых определил как соответствие Евангельскому призванию. Весь свой протест он направил на воспитание подлинного духа веры, верности своему призванию и служению у архипастырей, пастырей и прихожан.

На страницах официального печатного органа Церкви – Журнала Московской Патриархии – открыто печатались как выступления Патриарха на конференции советской общественности, так и проповеди (напр., «Се Аз с вами»), в которых под библейскими образами завуалировано был указан духовный путь сопротивления и невозможность человеческими усилиями разрушить Церковь [13, с. 25–27]. Многие услышали эти призывы Церкви и ободрились.

Пагубность реформы приходского управления осознавали архипастыри, которые пытались предложить соответствующий церковным канонам вариант реформы. Летом 1965 г. архиепископ Калужский Ермоген (Голубев) предложил свой проект «Положения об управлении» и в виде петиции направил его на имя Патриарха. В этом проекте предлагалось ввести настоятелей приходов в состав приходского собрания («двадцатки») и приходского совета в качестве председателя. Однако его проект не был принят.

О форме сопротивления управляющих епархиями архиереев приходской реформе поведал в своем знаменитом докладе заместитель председателя Совета по делам религий В. Фуров, который назвал в своем выступлении имена тех епископов, которые лояльно относятся к государству и его политике, «в своей повседневной административной и идеологической деятельности» руководствовались подлинными идеалами служения Церкви. Фуровым были названы следующие управляющие епархиями центральной России: митрополит Ле-

нинградский Никодим (в 1960–1963 управляющий Ярославской и Ростовской епархией), Ярославский Иоанн, Смоленский архиепископ Феодосий, Калининский Гермоген, Рязанский Симон, Калужский Донат [16, с. 7–8]. Среди них были люди разного возраста, жизненного опыта и положения в Церкви: стоящий на высокой должности церковной иерархии председатель ОВЦС митрополит Ленинградский Никодим и отсидевший 9 лет в ИТЛ по 58-й архиепископ Костромской и Галичский Кассиан. Но за внешней лояльностью к государству и его законам, эти люди ни на йоту не поступались своей христианской совестью. Время показало, что очень многое в плане противодействия административному нажиму властей решала личность правящего архиерея. В епархиях, где управляли названные выше архиереи, не были закрыты действующие храмы (или закрыты в минимальном количестве), не были разрушены церковные общины.

О новой тактике противодействия антирелигиозному наступлению и разрушению церковной общины ярко свидетельствует характеристика, данная костромским уполномоченным молодому епископу, прибывшему в епархию: «Никодим (Руснак – прим. автора) принимает меры, чтобы оживить деятельность церквей, в первую очередь за счет комплектования духовенством. Омолаживает духовенство. В соборе поменял штат, омолодил и ввел новшество – пение акафиста всеми молящимися вместе с хором, что в известной степени способствовало увеличению посещения собора» [4, с. 15]. Характерное признание о сопротивлении епископа нажиму властей делает Костромской уполномоченный СДРПЦ Ф. Григорьев: «В течение года не снято с регистрации ни одной церкви, т.к. Епархиальное управление не допускает, чтобы та или иная церковь долго бездействовала длительное время. С этой целью они делают перестановку священников, временно заполняют свободные места за счет заштатных священников, чтобы поддерживать активность верующих во временно бездействующих церквях» [3, с. 1].

Власти не раз предпринимали изошренные попытки закрывать храмы, где была «неполная двадцатка», где приход не мог содержать священника, пытались разложить представителей церковного исполнительного органа, вводили в двадцатки своих людей, запугивали нестойких. Ярославский архиепископ Иоанн (Вендланд) заботился, чтобы приходы не оставались без священников, особенно в глубинке. При нем в Ярославской епархии не было закрыто ни одного храма. Когда возникала такая реальная угроза (из-за невозможности найти достойного кандидата к рукоположению), архиерей шел на крайнюю меру – назначал и лиц с недостаточно проверенной репутацией. Он говорил: «Оставить приход без священника – храм закроют. И тогда уже навсегда. А священника можно и заменить» [8, с. 131].

В годы хрущевского наступления сохранилась практика рукоположения некоторыми архиереями тайных священников, в случае их невозможности открытого служения Церкви и ввиду опасности полной ее внешней ликвидации. Считается, что митрополит Никодим (Ротов) рукоположил более 100 тайных священников и монахов, хотя А. Беглов говорит, что цифра явно завышена, и что она вкралась в многие историографии благодаря канадскому исследователю Д. Поспеловскому [1, с. 250], но факт остается фактом, Церковь рассматривала и путь ухода на нелегальное положение.

Вместе с тем, архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий, несмотря на кадровый голод, настаивал на необходимости поддержания в среде духовенства строгой дисциплины, говоря о приоритете качества над количеством, что, по его мнению, будет более способствовать авторитету Церкви и ее благу [15, с. 139].

Открыто свой голос в защиту Церкви и приходской общины подняли московские священники Н. Эшлиман, Г. Якунин, Д. Дудко, рязанский мирянин А.И. Солженицын, кировец А. Таланов и множество простых священников и мирян как Центральной России, так и всех уголков СССР. Возникло целое движение религиозных диссидентов, которое, несомненно, внесло большой вклад в то, что голос страдающей Церкви был услышан. Ивановский исследователь А.А. Федотов в своей монографии говорит о том, что создание в 1973 году Христианского комитета защиты прав верующих и религиозно-философских семинаров Огородникова, Пореша, Щипковой свидетельствует о росте сопротивления антицерковной политике властей [15, с. 150].

Настоятели приходов в большинстве своем выражали свое неодобрение реформой. Несмотря на желание властей сделать священника «наемником», «служителем культа», на зов Святейшего Патриарха о соответствии священника своему избранию откликнулись многие пастыри Церкви. К ним не зарастала народная тропа: тысячи людей посещали протоиерея Всеволода Шпиллера, архимандрита Тавриона (Ботозского), архимандрита Павла (Груздева), архимандрита Поликарпа (Будакова) и др., к которым приходили, приезжали и мудрецы, и простецы, интеллигенты и рабочие, должностные лица, ища духовной мудрости и наставления в жизни. Власти не удалось разорвать духовную связь пастырей со своей паствой. Уполномоченный по Ярославской области, осознав тщетность своих усилий свести на нет религиозную жизнь «вверенных его попечению» людей, восклицает в обращении к епископу: «Считаем ошибкой назначение настоятелем над церквями ряда районов священника Хархарова А.А. (архимандрит Михей, впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский – прим. автора), очень грамотного в своем

роде, авторитетного среди верующих, тонко и хитро ведущего работу» [6, с. 10]. Священники часто своим видом, соответствующим сану, вызвали уважение, что служило своеобразной проповедью о Христе тогда, когда проповедь вне стен храма была запрещена. При запрете проповеди в общественных местах, истинные пастыри находили способ и форму своего миссионерского общения с прихожанами и людьми, даже своим присутствием вызывая интерес к вере и традициям Церкви.

Несмотря на желание властей добиться конфликтов на приходе с целью дальнейшей его ликвидации, многие настоятели продолжали пользоваться авторитетом духовных наставников и руководителей на приходе. По свидетельству Угличского уполномоченного СДР, «ряд священнослужителей, таких как Проселков И.А. (церковь села Радищево), Красноцветов М.Г., (церковь г. Углича), ведут активную религиозную работу среди верующих граждан, оказывают непосредственное воздействие на подбор исполнительных органов и ревизионных комиссий, отвечающих их требованиям, способным удовлетворять все их желания. Поэтому не случайно, что исполнительные органы ряда религиозных обществ засорены недостойными людьми, которые активно работают на подобных батюшек» [5, с. 32].

Таким образом, несмотря на созданные условия, при которых власть в приходе формально принадлежала мирянам, где священник был поставлен в положение «наемника», власть пастыря не только не была утрачена, но, благодаря своему духовному авторитету, он фактически управлял общиной.

Конечно, никакое сопротивление Церкви антирелигиозному наступлению не было бы возможным, если бы не те истинные пастыри (епископы и священники), которые противопоставили всей мощи государственного аппарата свое истинное призвание, подавали пример для стояния в вере. Многие пастыри были на высоте своего служения. Прот. Порфирий Груздев, секретарь Костромской епархии, без страха с амвона на проповеди обличил ренегата Н. Спасского, разобрал его статью «Почему я порвал с религией» и обличил его самого как человека «небезупречной жизни» [3, с. 14]. Несмотря на обращения и запреты властей в г. Чухломе священник Троянов допускал детей школьного возраста к пению в церковном хоре и на предложение уполномоченного не пускать детей в церковь ответил категорическим отказом [3, с. 20–21]. Священник Георгиевской церкви Буйского района Костромской области Астафьев в апреле 1959 года, несмотря на запреты, в своей проповеди с амвона касался вопросов воспитания детей, призывал родителей внушать детям необходимость посещения церкви [3, с. 25]. При запрете благотворительной деятельности верующие находили формы, при которых возможно было немного смягчить позицию

властей по отношению к Церкви. В г. Галич Костромской области церковный Совет по предложению настоятеля церкви Ильинского выделил 50 000 руб. на благоустройство города. Перевод был уполномоченным запрещен, но показателен сам факт того, что верующие готовы были пожертвовать деньги на общественные нужды. И этот факт пугал партийные органы, напоминая им о том, что религиозная структура не ликвидирована.

Пастыри находили прорехи в самой созданной системе и обращали их на благо Церкви. Случалось, что крестились, венчались, отпевались партийные и комсомольские работники. Протоиерей Борис Старк был вызван к уполномоченному за то, что при крещении ребенка окрестил и его мать – комсомолку. Священник так объяснил свое нарушение законодательства: «Ведь у нас как в универмаге, сперва выбивают чек, а потом уже выдают товар, т.е. сперва оформляют квитанции, и только после этого я встречаюсь с крестниками и их родителями». Уполномоченный этим ответом был удовлетворен [10, с. 763].

Верующие люди, скорее всего, не осознавая, что их действия являются борьбой за веру, в повседневном быту старались влиять на молодежь: не задумываясь о последствиях, надевали крестики на детей, «тайно» призывали священника крестить ребенка, влияли на родителей своих внуков, понуждая их к вере и соблюдению хоть в какой-то мере традиций Церкви.

Несмотря на всю мощь государственной идеологической машины, предпринятым мерам по ограничению влияния Церкви на молодежь, администрированию и репрессиям, в гонимую Церковь потянулась интеллигенция. Некоторые молодые люди, обучающиеся в московских вузах, желали поступить в духовные школы. Поток поступающих в Семинарии не уменьшался. Многие семинаристы, именно в эти годы гонений стали принимать монашеский постриг [14, с. 187].

Антирелигиозная пропаганда и административные меры не испугали верующий народ. Он готов был защищать свои святыни, не взирая ни на какие препятствия, приносил крестить детей, по возможности приучал их к вере. Конечно, велика тут была роль «белых платочков» – женщин в основном пожилого возраста. Женщины отстаивали Преображенский собор в Москве, пока их силой не погрузили и не увезли [12, с. 169]. По свидетельству митрополита Питирима: «Еще в 60–70-е гг., когда нас спрашивали: “Как вы живете? У вас же запрещена пропаганда религии?”, мы отвечали: “Ничего, выстояли. Живем по христианским заповедям, молимся”, – “Каким образом?” – “Бабушки!” – “Бабушки? Ну, а дальше-то что?”. Прошло несколько лет. “Ну, и где же ваши бабушки?” – “О, ничего, бабушки привыкают!” Внуки, которых вырастило уже следующее поколение бабушек, по-

немногу стали приводить их самих в Церковь» [11, с. 493]. Иногда протесты принимали своеобразный характер. Когда исполком райсовета решил церковь в с. Фоминское (уже снятую с учета) засыпать зерном, и председатель сельсовета вместе со священником хотели перенести в другую церковь иконы, верующие люди прогнали и председателя, и священника [3, с. 12].

Несмотря на репрессии по отношению к религиозным обрядам и созданию атмосферы нетерпимого отношения к ним в обществе, дискредитацию священства и верующих, количество совершаемых треб (крещений и венчаний) не становится меньше. Вопрос о высокой обрядности в Ивановской области был поднят на заседании Совета Министров РСФСР. Люди шли в Церковь, невзирая ни на какие запреты, на угрозы увольнений и репрессий, на доносы старост местным органам власти и контроль комиссий по соблюдению законодательства о культурах: «Проверка в ЗАГСе показала, что из 10 крещенных детей 8 – дети рабочих, 2 – дети служащих. Возраст родителей от 19 до 32 лет. Крестят своих детей по 2 или по 3 ребенка. Родители не «забитые и отсталые люди», а, например, такие как сотрудник МВД В.П. Гудков, его жена сестра-хозяйка в больнице. Венчаются опять же рабочие и служащие в возрасте не старше 30 лет» [3, с. 28].

Количество верующих не уменьшалось, несмотря на все усилия атеистической пропаганды. На семинаре по атеистическому воспитанию в феврале 1967 г. были озвучены явно заниженные данные о количестве верующих в СССР (реальные цифры были в два раза больше): 20% городского и 30–35% сельского населения. При населении в 232 млн. это составляло более 60 млн. человек [17, с. 344]. Храмы были переполнены и в Московской области, и в других регионах Центральной России. Уровень посещаемости храмов был высоким не только в городах, но в сельских районах. «Анализ этих исследований показал, что религиозность населения остается значительной. Из общего числа населения верующих женщин – 512 или 32%, верующих мужчин – 61 или 3%. Особенно значительная религиозность населения наблюдается в Зименковском, Трофимовском, Федуринском сельских советах» [6, с. 17].

Отметим небезынтересный факт, который свидетельствовал о сочувствии Церкви в рядах представителей как партийных органов, так и уполномоченных в центре на местах. Не все уполномоченные рьяно выполняли инструкции Отдела пропаганды. Были те люди, которые не всегда докладывали наверх «все факты нарушения законодательства о культурах», лояльно относились к деятельности Церкви, находили компромисс с духовенством в рамках действующего законодательства, где-то даже закрывали глаза на деятельность священника, не совсем соответствующую «законодательству о культурах».

Само наличие пусть даже бездействующей Церкви своим присутствием уже внушало властям опасение, связанное с желанием людей возобновить ее и служение в ней. Люди ходатайствовали об открытии бездействующих церквей. Уполномоченный просит церкви, подлежащие разборке, срочно оформить по документам, сломать и разобрать, все другие пустующие использовать для производственных и культурно-бытовых нужд: мастерские, клубы, школы, здравпункты и др., так как они своим присутствием побуждают верующих обращаться об их передаче. В Совет по делам РПЦ поступали тысячи ходатайств об открытии Церквей. Властью была отработана специальная «технология» отклонения ходатайств в целях закрытия православных обществ, в которые включалось запугивание инициаторов, их дискредитация. Но люди искали различные мотивы и методы, и не только не прекращали своих ходатайств об открытии храмов, но нанимали людей, «вхожих в структуры уполномоченного и министерства» в Москве, людей, сведущих в написании просьб и ходатайств в различные структуры, вплоть до зарубежных. И хотя на пике гонений с 1961 по 1963 гг. количество прошений значительно уменьшилось, с отставкой Н. Хрущева и ослаблением давления на Церковь, оно опять стало увеличиваться. Так, в Рязанской области в 1957 году было подано 76 прошений, в 1963 – 10, в 1965 уже 19 [7, с. 102–105].

Вместе с тем, несмотря на титанические усилия, потраченные на распространение атеистической пропаганды, административным мерам по закрытию храмов, разложению церковной организации изнутри посредством влияния на членов двадцаток, цель поставленная творцами приходской реформы из Отдела пропаганды ЦК КПСС не достигла своих результатов. Главный просчет организаторов реформы состоял в том, что партийные идеологи не поняли истину, которая гласит, что Церковь Богочеловека держится не только на юридических нормах, но законами, написанными в сердцах (Иерем. 31:33).

В своем докладе председатель Совета по делам религий В.А. Куроедов признал факты администрирования в отношении Церкви и привел цитату М.И. Калинина о том, что борьба с религией не только не способствует ее ликвидации, а лишь укрепляет людей в вере [9, с. 150, 154, 210]. О масштабах недовольства проводимой правительством антирелигиозной политики соответствующим отделом КГБ была подготовлена записка «Об отрицательных последствиях антирелигиозной компании». По записке в ЦК состоялось совещание, рассмотревшее вопрос «об административных перегибах в отношении религиозных объединений и верующих, допускаемых местными органами». Буквально через месяц после смещения Хрущева 10 ноября 1964 года было принято постановление

ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в январе 1965 года, по представлению Верховного суда, Верховный Совет СССР принял постановление «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих». Согласно постановлению, большинство из незаконно осужденных верующих было реабилитировано, освобождено, возвращено из ссылок и поселений. Все это свидетельства того, что реформа приходского управления, принятая на Архиерейском соборе 1961 года под давлением власти не достигла тех целей, которые возлагались на нее. Благодаря самоотверженному сопротивлению на всех уровнях: от руководства Церкви и до прихожан, не была нарушена духовная и иерархическая связь пастырей и паствы, при всем воздействии пропаганды и факторов, способствующих ликвидации приходских организаций, в Церковь пришли новые кадры и люди. Со времени нормализации церковно-государственных отношений стало возможным принятие нового Устава управления приходом на Поместном Соборе РПЦ в 1988 году (7 гл.) и доработка их в поправках принятых на Архиерейском соборе 1989 года (9 гл.), которые соответствовали духу и каноническому устройству Церкви.

Таким образом, реформа 1961 года, призванная разрушить церковную общину – приход, не достигла своей цели, была нежизнеспособна, верующие смогли найти те формы противодействия и сопротивления «антицерковной» реформе, благодаря которым она со временем прекратила свое существование.

Библиографический список

1. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви «Арефа», 2008. – 352 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. р.6991. – Оп. 2. – Д. 136.
3. Государственный архив костромской области (ГАКО). Ф. р-2002. – Оп. 5. – Д. 38.
4. ГАКО. – Ф. р-2102. – Оп. 5. – Д. 51.
5. Государственный архив Ярославской области. (ГАЯО). – Ф. р-1033. – Оп. 1. – Д. 40.
6. ГАЯО. – Ф. р-1033. – Оп. 1. – Д. 50.
7. *Гераськин Ю.В.* Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х–70-е годы XX века): монография. – Рязань, 2007. – 272с.
8. *Зегжда С.А.* Митрополит Иоанн (Вендланд) Биографический очерк. 1909–1989. – Ярославль: Изд. Ярославская епархия, 2009. – 175 с.
9. *Куроедов В.А.* Религия и церковь в советском государстве. – М.: Политиздат, 1981. – 265 с.
10. Протоиерей Борис Старк. Вся моя жизнь – чудо... Воспоминания и проповеди. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2009. – 800 с.

11. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. – СПб., 2007. – 640 с.

12. *Свенцицкий В.* Невидимые нити. Церковь, события, люди. – М.: Московская Патриархия, 2009. – 432 с.

13. Се Аз с вами // ЖМП. – 1960. – № 7. – С. 25–27.

14. *Трофимчук М. Х.* Академия у Троицы. Воспоминания о московских духовных школах: Свято-Троице-Сергиева Лавра, 2005. – 639 с.

15. *Федотов А. А.* Русская Православная Цер-

ковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2009. – 402 с.

16. *Фуров В.* Отчет Совета по делам религий членам Центрального Комитета коммунистической партии СССР. – Нью-Йорк; Монреаль: Издание братства преп. Иова Почаевского, 1991. – 86 с.

17. *Цыпин Вл., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997.

УДК 94(470)"19..."

Зиганшин Давид Михайлович

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
david130880@mail.ru

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И УЛУЧШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТЕКЛОДЕЛОВ В 60-е – 80-е ГОДЫ ХХ ВЕКА

После Великой Отечественной войны заботу о рабочих стекольных заводов и их детях взяли на себя Советы, дирекции заводов, партийные и профсоюзные организации. Администрацией стекольных заводов принимались меры для регулярного обеспечения рабочих хлебом. В школах при стекольных заводах регулярно проводились воскресники, на которых учащиеся занимались ремонтом вещей. Автор статьи на примерах показывает, как советские граждане самоотверженно взялись за восстановление разрушенного хозяйства.

Особую заботу о рабочих и их семьях проявляли профсоюзные организации, которые обеспечивали расходы по содержанию детей в детских яслях и садах, направляли рабочих в санатории и дома отдыха.

Строительство домов культуры, организация выставок, устройство летних эстрад, проведение различных занятий в форме кружков способствовали организации правильного досуга населения, занятию молодежи, развитию подрастающего поколения.

В работе отмечается важная роль социалистического соревнования, сыгравшего большую роль в нравственном воспитании рабочих. Рабочие и инженерно-технические работники стекольной промышленности воспитывались коллективистами, постоянно повышали уровень своей общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки, упорно стремились к высотам гармоничного развития.

Ключевые слова: рабочие-стеклоделы, профсоюзные организации, социалистическое соревнование, нравственное воспитание рабочих, послевоенное восстановление страны.

Для повышения общеобразовательной, профессиональной и культурной подготовки кадров в советские годы использовались средние и высшие учебные заведения, наставничество, объединение новаторов, рационализаторов, передовиков производства, инженеров и техников.

Война, организованная империалистами, сделала обездоленными и нищими миллионы вдов, матерей, их детей, стариков, инвалидов. Советы помогали им материально, выплачивая пенсии и пособия, обеспечивая в городах и фабрично-заводских поселках продуктами первой необходимости, по карточной системе выдавали ткань, обувь, предоставляли транспорт для перевозки сена и дров, ремонтировали квартиры. Для оказания помощи семьям погибших на фронте военнослужащих коллективы стекольных заводов периодически работали и в выходные дни, а средства передавали переживавшим утрату самых близких родных – отцов, мужей, братьев [11, л. 1].

Заботу о рабочих и детях взяли на себя Советы, дирекции заводов, партийные и профсоюзные

организации. С отменой в 1947 г. карточной системы улучшилось обеспечение населения хлебом, но перед администрацией и общественными организациями стояла задача наладить в Иванищах свое хлебопечение. Неклюдовское сельпо не всегда завозило в поселок керосин, соль, спички, папиросы, муку, крупы, сахар. После обсуждения этой проблемы на собрании рабочих положение изменилось к лучшему [13, л. 26, 33].

25 апреля 1947 на собрании в Анопине обсуждали постановление Февральского Пленума ЦК ВКП (б) о подъеме сельского хозяйства. С докладом выступил директор завода А.С. Блюденев. В соответствии с этим постановлением профсоюзная организация по традиции 30-х годов взяла шефство над колхозами, Николопольским сельским Советом [12, л. 28]. Подсобное хозяйство завода в первые послевоенные годы оставалось нерентабельным. Земли, как и в 30-е годы, оставалось немного – 5 га, каждый год ее засевали, но картофеля и овощей получали мало [11, л. 12].

Придавая большое значение развитию сельского хозяйства, коллектив Иванищевского за-